

Был человек, посланный от Бога;
имя ему Иоанн.

Он пришел для свидетельства,
чтобы свидетельствовать о Свете,
дабы все уверовали чрез него.

Евангелие от Иоанна, I: 6-7

Посвящаю памяти моей двоюродной
прабабушки Евгении Михайловны
Михайловой (1887 — ?), организовавшей
24 марта 1922 года общий сход
верующих Новгорода в знак протеста
против изъятия «церковных ценностей»
и приговоренной за это к расстрелу,
замененному ссылкой в Сибирь.

СОДЕРЖАНИЕ

	✠	
7	«Жизнь исповедника и подвижника»	
13	От автора	
19	Часть первая	
115	Часть вторая	
272	Часть третья	
316	Часть четвертая	

СВИДЕТЕЛЬ О СВЕТЕ

Повесть об отце Иоанне
(Крестьянине)

«ЖИЗНЬ ИСПОВЕДНИКА И ПОДВИЖНИКА»

Вспоминаю свое первое посещение Псково-Печерского монастыря. Было мне тогда лет тринадцать, и на зимние каникулы я приехал в Печоры.

Каждое утро, около шести часов, растворялись монастырские ворота, и я оказывался в каком-то волшебном царстве, отделенном от внешнего мира высокими и глухими каменными стенами. В этом царстве, наполненном неземной тишиной, все было необычно, возвышенно, чудесно. Даже воздух казался иным. Долгие монастырские службы, монашеское пение, колокольный звон, иноки в рясах и черных клобуках, бесшумно передвигавшиеся по зимнему снегу: все это производило неотразимое впечатление.

В один из сумрачных и морозных дней той далекой зимы я увидел на дворе Псково-Печерского монастыря толпу людей, преимущественно женщин, одетых в теплые пальто и шерстяные платки. Выражение их лиц, сумрачное и озабоченное, вполне соответствовало погоде. Вдруг я заметил, как из

дверей братского корпуса вышел пожилой монах невысокого роста, в черной рясе и скуфье, с распущенными серебряными волосами. Как только он появился, толпа ринулась к нему навстречу: люди бежали, обгоняя друг друга, спеша получить его благословение. Лицо старца сияло, подобно весеннему солнцу, и на лицах людей засветилась радость.

Это и был отец Иоанн (Крестьянкин), имя которого уже тогда было окружено всероссийским почитанием. Ради того, чтобы увидеть его, чтобы получить его благословение или совет, тысячи людей со всей России стекались в Псково-Печерский монастырь — один из тех немногих духовных центров, которые остались не закрытыми и не разрушенными в советские годы. Отец Иоанн прожил в этом монастыре несколько десятилетий. Перед дверью его кельи всегда сидели посетители, а когда он шел в храм на богослужение, паломники окружали его плотным кольцом.

Для каждого отец Иоанн находил доброе слово, каждого умел обласкать, утешить, духовно укрепить. Помню беседы с батюшкой в его келье. У него была характерная манера сажать собеседника рядом с собой и во время разговора класть руку на его плечо, а иногда даже упираться лбом в лоб собеседника. От отца Иоанна всегда исходила необыкновенная теплота и энергия. По окончании беседы отец Иоанн помазывал посетителя освященным маслом, давал

с собой иконки, антидор, снабжал духовной литературой, которой тогда так не хватало.

Советы отца Иоанна были простыми и здравыми. Не помню случая, чтобы он навязывал какое-либо решение. Он всегда подчеркивал, что каждому человеку Богом дарована свобода, и никакой духовник, никакой старец не может ее нарушить. Все ответственные решения человек должен принимать сам, и за благословением приходить тогда, когда решение внутри уже созрело, когда нет колебаний, сомнений. В своих письмах отец Иоанн говорит: «Никто за нас не может решать наших жизненно важных вопросов, и даже в прежние времена старцы не командовали наследием Божиим. Обдумывать, на что брать благословение, должен сам человек... Приказов в духовной жизни быть не может».

Не помню случая, чтобы я когда-либо приехал к старцу для решения тех или иных «жизненно важных вопросов» или «проблем»: как правило, я приезжал за духовным советом или просто для беседы. Когда по окончании службы в армии я решил принять приглашение архиепископа Виленского и Литовского Викторина приехать в Литву, чтобы поступить в Свято-Духовский монастырь, я попросил на это благословение у отца Иоанна. У меня не было сомнений в правильности избранного пути, и я не спрашивал отца Иоанна, например, жениться мне или принимать монашество, служить в Церкви или оставаться в миру. В то же время, я испытывал

трепет перед высотой священнического служения и потому нуждался в духовном укреплении, в молитве и благословении старца. Он дал это благословение без колебаний, сказав: «Ты нужен Церкви». И в последующие годы я постоянно чувствовал его молитвенную поддержку и помощь.

Отец Иоанн был пламенным молитвенником и ревностным совершителем богослужений. Его служение было вдохновенным, молитва проходила через него, заполняя все его существо, глаза его были устремлены к небу, ничто земное его не отвлекало. Возгласы он произносил громко и внятно. Иногда он даже как будто приподнимался на цыпочки, словно готовый воспарить в небеса. За богослужениями, совершаемыми отцом Иоанном, невольно вспоминался другой всероссийский светильник — святой праведный Иоанн Кронштадтский, которого отец Иоанн глубоко почитал.

Моя последняя встреча со старцем произошла за несколько месяцев до его кончины. Открыла дверь его многолетняя верная помощница Татьяна. Старец сидел в белом подряснике, с белыми распущенными волосами. Во всем его облике было что-то неземное, ангельское, чувствовалось, что его душа уже пребывает на небесах, и лишь тело временно задержалось на земле. В то же время он сохранял ясность мысли и какую-то детскую веселость, которая от него передавалась всем, кто с ним встречался. Не было ничего трагического в облике этого почти столетнего

старца: наоборот, его благообразный лик излучал тишину, свет и покой. На прощание батюшка попросил у меня благословения и даже громко пропел «Ис полла эти дэспота». Я, в свою очередь, попросил благословения у старца, и он осенил меня широким крестом.

«Христианство — это подвиг жизни, это крестоношение, это труд», — пишет отец Иоанн. Его собственная жизнь была подтверждением этих слов. Он был рукоположен в священный сан в год окончания Великой отечественной войны, но уже спустя пять лет оказался в заключении. После семи лет лагерей и ссылок отец Иоанн двенадцать лет служил на приходах, и за эти годы его шесть раз перемещали с прихода на приход. В 1966 году он принял постриг от одного из абхазских пустынников и в 1967 году поступил в Псково-Печерский монастырь. После этого — почти сорок лет подвижнического труда по духовному окормлению сотен и тысяч православных верующих.

Духовная свобода, по словам отца Иоанна, «покупается дорогой ценой страданий». Эту цену заплатили многие тысячи Новомучеников и Исповедников Российских, отдавших жизнь за веру и Церковь в лютую годину гонений. Цену страданий заплатил и сам отец Иоанн. Ему суждено было пройти через тяжелые испытания, но Господь сохранил его жизнь — сохранил для всех нас, чтобы мы «порадовались при свете его» (Ин. 5: 35). Он прожил жизнь исповедника

и подвижника, и не случайно, что именно в день памяти новомучеников и исповедников Российских Господь призвал к Себе Своего верного служителя.

Митрополит Иларион (Алфеев)

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель!

Работа над этой повестью стала логичным продолжением работы над биографической книгой «Отец Иоанн (Крестьянкин): И путь, и истина, и жизнь», которая вышла в 2018–19 годах. двумя изданиями в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия». В ходе сбора материалов для биографии мной было обнаружено множество данных, которые в силу ограниченности объема книги и специфичности ее жанра в нее не вошли. Кроме того, я просто не мог расстаться с моим героем — без преувеличения, одним из ярчайших деятелей Русской Православной Церкви за всю ее историю. Хотелось снова и снова открывать для себя его «путь и истину и жизнь», находить новые подробности, прикасаться к судьбам людей, оказавших на отца Иоанна решающее влияние. Какие-то моменты его жизни хотелось рассказать читателю более подробно, «лирично», нежели в биографии, поделиться находками, сделанными

уже после публикации ЖЗЛ... Результатом этого желания в итоге и стала данная книга.

Ее действие ограничено 1910–1967 годами — с момента рождения Вани Крестьянкина до ухода иеромонаха Иоанна в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Это — время становления будущего великого старца, его взросления, духовного роста, выпавших на его долю духовных и телесных испытаний. Насколько мне удалось раскрыть подвиг его исповедничества — судить читателю. Суть этого подвига выражена в названии книги — «Свидетель о Свете». Как и Иоанн Предтеча, отец Иоанн поистине был послан нашей стране, «дабы все уверовали чрез него», чтобы самой сутью своей праведной жизни раскрыть тысячам, миллионам людей радостный и спасительный свет православной веры. Таким свидетелем он остается и сейчас...

Безусловно, художественное произведение о реально существовавшем историческом лице всегда базируется на документах. При написании повести был использован обширный корпус литературы по истории Русской Православной Церкви XX века, архивные материалы и пресса 1920–60-х годов, проведено множество встреч и бесед с людьми, лично знавшими отца Иоанна (Крестьянкина) в 1960–2000-х годах, совершены поездки на связанные с его именем места и приходы — в Орле, Москве, Пскове, Рязанской епархии. В повести действует множество выведенных под своими ре-

альными именами исторических персонажей: родные и близкие отца Иоанна, Патриархи Московские и всея Руси Тихон, Сергей и Алексей, митрополит Николай (Ярушевич), епископы Николай (Никольский), Иоанн (Разумов), Николай (Чуфаровский), Борис (Скворцов), священники Александр Воскресенский, Николай Голубцов, Василий Серебренников, Виктор Шиповальников, Анатолий Правдолюбов, Иоанн Смирнов, Сергей Орлов, Всеволод (Баталин), Дорофей (Смирнов), Порфирий (Бараев) и другие. Некоторые из них, как архиепископ Серафим (Остроумов), отец Георгий Коссов, отец Симеон (Желнин), отец Серафим (Романцов), ныне прославлены в лике святых. Единственное исключение — автор не счел возможным вывести под настоящим именем священнослужителя, сыгравшего роковую роль при аресте отца Иоанна в 1950 году. Некоторые персонажи книги здравствуют и поныне — это отец Владимир и Сергей Правдолюбовы, Алексей Борисович и Марина Викторовна Ветвицкие.

Несмотря на строго документальную основу сюжетно-фактической канвы, жанр повести позволяет ряд событий трактовать так, как того требует логика повествования. Это отнюдь не значит, что на страницах книги читатель встретится с вымыслом. Но ряд сцен написан мной по принципу: «Так, как это могло бы быть в реальности — хотя как было на самом деле, мы, к сожалению, не знаем и не узнаем никогда». По возможности в ткань повествования,

конечно, были введены подлинные слова отца Иоанна и других исторических лиц, произнесенные в тех или иных ситуациях, но ряд диалогов является плодом авторского воображения. Без подобного рода допусков, основанных на документальной базе, художественная историческая литература попросту невозможна.

В ходе работы над повестью были обнаружены материалы, которые вводятся в научный оборот впервые. Так, в Орле нашлись фотографии отца Николая Азбукина, который венчал родителей отца Иоанна, крестил его самого и был его первым духовным наставником, а в Кировске Мурманской области была обнаружена автобиография отца Дорофея (Смирнова), позволившая придать его облику несколько выразительных штрихов.

Единственная цель этой книги — поделиться с читателем любовью к личности отца Иоанна (Крестьянкина) и его наследию. И если у того, кто прочтет эту книгу, возникнет желание самому прикоснуться к колоссальной фигуре «свидетеля о Свете» XX столетия, посетить связанные с ним места или лишний раз перечитать его письма и проповеди — я буду считать свою скромную задачу выполненной.

Сердечно благодарю за помощь в создании книги отца Сергия Правдолюбова, отца Кирилла (Воробья), Алексея Борисовича и Марину Викторовну Ветвицких (Москва), Ольгу Борисовну Сокурову, Глафиру Павловну Коновалову (Санкт-Петербург), отца Олега

Анохина (Орёл), отца Владимира Правдолюбова (Касимов), Ольгу Сергеевну Бирулю-Тиханкину (село Троица).

*Молитвами отца Иоанна,
Господи, спаси и помилуй нас.
Аминь.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1910–1933 годы

Орёл, март 1910 года

В дверь дома стучали. Деликатно, чуть слышно: тук-тук, тук-тук. Можно было даже спутать с капелью, которая припустила несколько дней назад, — весь снег перед крыльцом дома Крестьянкиных уже просел от веселой весенней воды, стал вязким и ноздреватым, а на Воскресенской улице так и вовсе мало что от него оставалось — только серая каша, разъезженная колесами телег и пролетов.

— Саша, открой, это или тетя Паша, или папа, — выглянув из второй комнаты, попросила Елизавета Иларионовна старшего сына, возившегося с гребешком перед украшавшим горницу небольшим зеркалом. Но 12-летний Саша скорчил жалобную физиономию:

— Мам, пусть Костька откроет!.. Мне ж крестным быть, а не ему. А у меня вон вихор на макушке торчит, никакого сладу с ним нету. И так гребешком его, и этак...

— Ну вот, опять Костыка, — недовольно пробубнил от стола 10-летний Костя, дохлебывая постный суп. — Чуть что, сразу же Костыка... А я чего, мне нетяжело. Только в следующий раз тоже тебе чего-нибудь придумаю.

Саша, продолжая сосредоточенно возиться с непослушным вихром, на ходу отвесил направившемуся к дверям Косте легкий подзатыльник, тот в долгу не остался. Делалось это без малейшей злобы: все в семье Крестьянкиных любили своих ближних, как самих себя. И родители своих детей, и дети — родителей и друг друга. У Михаила Дмитриевича и Елизаветы Иларионовны было уже шестеро наследников: кроме Саши и Кости, семилетняя Танечка, трехлетний Паша, Серёжа, которому было чуть больше года, и родившийся два дня назад Ванечка. Малыши тоже толклись сейчас у обеденного стола — горбатенькая Таня на правах старшей обороняла Серёжу от попыток Паши подергать его за волосики. Впрочем, делал он это тоже любя.

В прихожей Костя загремел засовом. В настоящую печную теплоту дома хлынул свежий весенний воздух.

— Здравствуйте, тетя Паша!..

— Здравствуй, Костенька. Дверь закрывай сразу, чтоб тепло не выпускать. — Прасковья Иларионовна Овчинникова поцеловала племянника в щеку.

— Папа в храме еще? — с усилием прикрывая тяжелую деревянную дверь, спросил Костя.

— В храме, с отцом Николаем говорит. А где ж сестра-то?.. Лиза, ты где?..

— Здесь я...

Из соседней комнаты показалась 34-летняя Елизавета Иларионовна Крестьянкина, младшая сестра Прасковьи. Тоненькая, еще бледная после недавних родов, она бережно прижимала к груди новорожденного. Малыши тут же подскочили к ней, начали заглядывать в лицо младенцу.

— Мама, он на ангела похож, — с восторгом сообщила Танечка.

— У ангелов крылья, — солидно заметил Костя, вновь усаживаясь за стол и беря в руки ложку, — и если б ты ангела увидела, то ослепла бы от сияния.

Прасковья бережно приняла у сестры сладко посапывающего малыша. С затаенной болью взглянула на Лизу. Да, шестерых детей она растит, а родила ведь восьмерых, двух сначала схоронили: четырнадцать лет назад четырехмесячную дочку Серафиму, а меньше чем через год — вторую, месячную Машу... И теперь этот вот мальчик — и рождался-то с трудом, и слабенький очень. Такой слабенький, что боялись даже — и дня не проживет. Как-то сложится его судьба?.. Вот и крестить решили поскорее, на третий день.

— Ну что, Ванечка, — ласково произнесла Прасковья, дуя младенцу на лобик, — пойдем в храм